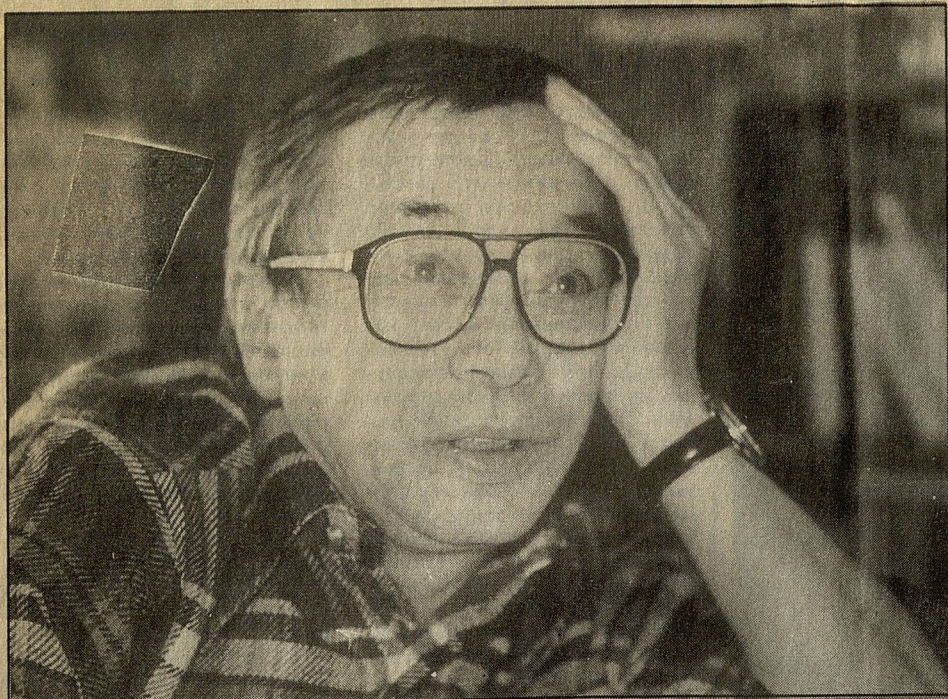

Елена КУРБАНОВА

- Юлий, сведения о вашей жизни очень скупы, разрозненны, в основном ограничиваются рассказами ваших друзей и краткой биографией в бардовских сборниках. Поэтому давайте начнем с «жизни» и тех людей, которые оказали наибольшее влияние на ваше становление.

- Моим главным учителем по жизни была мама. Она к тому же была и учительницей во всех тех школах, где я пребывал: до седьмого класса - в Калужской области и потом - в Туркмении. Она очень многому меня научила. Во всяком случае ей я обязан любовью к литературе, к слову, к стиху. Мама дала самый первый толчок. А все остальные этапы жизни касались только его развития.

После школы я оказался в педагогическом институте. Тут я сразу могу назвать многих людей, которые на меня действовали неотразимо. Это, безусловно, Юрий Визбор, Петр Фоменко, Юрий Рыженцев, Эрнест Красновский, Григорий Фельдблюм, Юрий Коваль - всех не перечислишь...

Позже на мою песню, конечно же, оказал влияние и французский шансон. Но Визбор, Окуджава, Высоцкий и Галич оставили в ней свой неизгладимый след.

- Мои друзья по геологическому институту на вопрос, под каким созвездием вы родились, смеясь ответили «Под созвездием Кима»...

- Я родился под знаком Козерога, чему лично не придаю ни малейшего значения. Хотя вокруг, и в моей семье тоже, все просто помешаны на астрологии. А я в это даже и не пытаюсь вглядываться, потому что за этим мерещится бездна мистики.

- Для Козерогов свойственно карабкаться по скалам и достижение самых головокружительных вершин, чему ваша жизнь является свидетельством... На семидесятилетии театра «Ленком» вы говорили, что очень бы хотели посотрудничать с Марком Захаровым. Ваше знакомство с ним началось с «Обыкновенного чуда»!

- Нет, оно началось раньше. Первая работа, на которую он меня пригласил, был фильм «Двенадцать стульев». Все тексты песен там мои. Захаров снял шесть известных фильмов. Из них для пяти мы с Геннадием Гладковым писали песни. Особенно дороги работы в «Двенадцати стульях», «Обыкновенном чуде» и в фильме «Дом, который построил Свифт». Я считаю, что это были значительные работы и для меня, и для Гладкова, и для Захарова.

- Давайте - о природе вашего юмора...

- Давайте. Это все институтские дела. Все качество и содержание того, что называется моим «чувством юмора», сложилось там. К тому были определенные предпосылки. Впрочем, мы и в школе не скучали. Шло приобщение к стихотворчеству и к театру. Но главное качество юмора, интонации - все сложилось в институте.

- А как вы начали писать песни!

- Сначала я начал писать песни. В студенческом театре почти не играл, хотя наш институт был всегда этим славен. Я пытался с какого-то бока туда приспособиться, но не приспособился. И все больше выступал с гитарой и собственными песнями.

По-настоящему театром я занялся в школе, уже когда был на Камчатке, в глухом поселке. Там расцветала пыльным цветом самодеятельность. Вот для нее сочинялись песни, интермедии, композиции драматические. Ставились фрагменты классических пьес. Там я уже приохотился к сцене всерьез и надолго. Тогда ведь не было видеомагнитофонов, телевизоров, только клуб с одним фильмом в течение месяца. Вот самодеятельность и расцветала.

- Что вы ставили!

Юлий КИМ: Моек. правда. - 1998. - Бисерть. - с. 4.

«Смысл в жизни есть. Какой — неизвестно. Но имеется...»

Наш корреспондент - в гостях у поэта, писателя, драматурга, автора и исполнителя песен Юлия Кима

- Все. И из «Бориса Годунова», и из Льва Толстого, и собственные песенные композиции.

- И выступали в качестве режиссера!

- И сочинителя, и режиссера, и артиста. А потом, когда вернулся в Москву с большим запасом песен, то продолжил уже писать в Москве. Почувствовалась некая театральная сценическая природа этих песенок, она-то и востребовалась. С 1968 года я стал писать для кино и театра уже специально, через некоторое время почувствовал вкус к тому, чтобы собственную пьесу написать. Захотелось попробовать.

В 1974 году я начал писать «Профессора Фауста».

Но «внутри нее» я создал свою самую первую пьесу - детскую сказку «Иван Солдат». С помощью Высоцкого, о чем тот и не помнил. Просто в Театре Советской армии мне предложили придумать детскую пьесу и, естественно, о русском солдате. Когда я задумался о сюжете, я вспомнил Высоцкого с его Чудо-юдом. И взял этот сюжет со всеми потрохами, изложил в сказочке. Там у меня и Чудо-Юдо-есть, и капризный царь Самодур, и бывший лучший, но опальный стрелок.

А между тем история Фауста медленно и кропотливо двигалась вперед. Я писал ее пять лет, в отличие от сказочки, которую единым духом создал за полтора месяца. (На этой основе потом был снят фильм «Раз-два - горе не беда».)

- Основная идея вашего «Фауста»!

- В основу я положил сюжет Гете и уже по нему стал вышивать собственные узоры. Я не осовременивал сюжет. Герои у меня и действуют в каком-то неопределенном времени - и Фауст, и Мефистофель, и Маргарита. Но мне было интересно провести их по разным этапам жизни, испытать славу, власть, любовь, предательством, враждой... В результате мысль этой пьесы формулируется таким образом: «Смысл в жизни есть. Какой - неизвестно. Но имеется».

- Вы, описывая своих героев, опираетесь на собственный опыт! Ну, например, испытание славой...

- Когда описываешь что-нибудь, то опираешься и на свой опыт, и на свои наблюдения чужого.

- А «Недоросль»!

- «Недоросль» возник так: первая крупная моя работа в театре была - серия песен для спектакля Петра Фоменко на Малой Бронной по комедии Шекспира «Как вам это понравится». Петр Фоменко поставил мюзикл - не мюзикл, а музыкальную комедию, которую и комедией-то можно назвать с трудом: так много там драматических и трагических интонаций. Это была самая крупная работа в театре и очень ответственная. Шекспир ведь все-таки... А «внутри» нее возникла работа над «Недорослем». В Саратовском ТЮЗе Леонид Эйдин - ученик Фоменко тогда ставил свой дипломный спектакль. Ему предложили хрестоматийного «Недоросля», от которого все шарахались, так как текст был очень архаичен. Каза-

лось, что архаичен. Но в этом архаичном тексте нашлось много живого материала, и Леня решил, глядя на наши шекспировские страсти, аналогичным образом поступить и с «Недорослем», добавив туда музыкальные сцены. Он соблазнил меня на это дело, и я сочинил двадцать с лишним музыкальных номеров.

Смею сказать, что эта моя вторая крупная работа вышла удачной, так как до сих пор эти музыкальные номера имеют спрос.

- Над чем вы работаете сейчас!

- Много замыслов, лишь бы руки дошли. Есть замыслы детских и взрослых пьес. Думаю продолжить свою книжку: серию очерков, которая начинается фразой «Однажды Михайлов...» Существует уже несколько глав. Это мемуаристика, сильно беллетризованная. Я вспоминаю действительные события, произошедшие со мной, но некоторые из них я свиваю в одно, иногда из одного делаю три, но картина жизни в общем складывается.

- То, что называлось «братством шестидесятников» на сегодняшний день играет в вашей жизни какую-нибудь роль!

- Это все живо... У нас существует и институтский день в году. Есть традиция посещать всякого рода презентации или спектакли, связанные с институтскими друзьями. Если у Юры Рыженцева выходит книжка, и он ее презентует, то, соответственно, вся институтская братия - человек 30-40 - является на это мероприятие. Или - у меня премьера... Или, например, - у Петра Фоменко...

- Сегодня кажется столь странным, что когда-то бардовское движение находилось в подполье...

- Да, к бардовскому движению начальство относилось сложно. С одной стороны, оно его пыталось приручить. С другой - держать в рамках. И, естественно, когда барды добивались до запретных тем, начальство действовало строго. Ну как строго? Никто не сел. Хотя Галича чуть не посадили.

- Был ли в числе ваших друзей Владимир Высоцкий! Как вы с ним познакомились!

- Мы были заведомо, заочно симпатичны друг другу. Искренне встречались где-нибудь - театре «На Таганке» или просто в Москве и сердечно друг к другу бросались. «Здравствуй!» - «Здравствуй!» - «Надо бы посидеть, созвониться». И снова: разбегались на 2-3 года. Но так, чтобы поговорить, попеть, до этого дело не дошло, но у меня это желание не пропадало никогда.

- А вы часто собираетесь и поете с друзьями!

- Сейчас редко. Но бывает. Вот с Горюничным время от времени встречаемся в общих компаниях.

- А кем в вашей жизни был Булат Шалвович Окуджава!

- Окуджава был нашим Мэтром. И мы с ним последние годы виделись нередко (по сравнению с семидесятыми). Но до близкой дружбы не дошло. Поздно начали встречаться. Может быть, и дошло бы, но... невозможно опоздали.

- Если бы вы не стали авто-

ром-исполнителем, то какую бы профессию избрали!

- Остался бы учителем, если бы не стал писателем. Хотя, может быть, в редактуру бы занесло.

- А в режиссуру!

- Я себя не пробовал в этой области. Только когда занимался художественной самодеятельностью. Был еще случай, когда я помог Пете Фоменко в его театральной студии. Но это весь мой опыт. Я не думаю, что у меня бы получилось. Хотя, что его знает... Нескольким раз доходило до съемок в кино. Но актерский труд - особенный. Я думаю, что если бы из меня актер и получился, то только после очень серьезных трудов. Того природного актерского таланта, который был в Визборе, у меня нет. Юрию не надо было этому учиться. Он легко перевоплощался и легко владел той техникой, которой актеры обучались 4-5 лет. С Визбором у нас были не очень близкие, но теплые отношения.

- Какие качества вы цените в друзьях!

- Мне нравятся люди великодушные, добрые, понимающие. Естественно, внимательные к окружающим. Хотя вот сказал и тут же начинаю вспоминать по принципу от противного: а нравятся ли мне люди не очень внимательные, не очень великодушные! Ну что ж, я знаю и таких. Они отличались неистребимым обаянием, но сказать, что они были внимательны к другим или великодушны, - нельзя. Но нравился тем не менее. Любовь все-таки зла. Полюбишь и... не очень идеального человека.

- Тогда давайте о любви. Женщины в вашей жизни какую часть занимают! И какие женщины!

- Это обязательная составляющая часть. Но о женской части говорить не буду.

- Истинно мужское качество. А что вы испытываете, когда выходите на сцену!

- На сцене всегда стремлюсь к максимальному контакту с залом. Вот это, пожалуй, главное. И чаще всего это удается, хотя степень контакта бывает разной. Залы бывают разные. Если мне удается контакт на сто процентов, то я - действительно счастлив. Это чувство, которое можно называть «ощущением счастья». И я это не только по себе вижу. Я наблюдаю этот процесс на Шевчуке. Наблюдаю и на Володе Высоцком, когда его отдача на сцене превращалась в огромную встречную отдачу зала.

- На сегодняшний момент, что вас волнует, тревожит!

- Пожалуй, есть одна мысль, которой я стараюсь время от времени поделиться с современниками. Иногда это получается неловко и не очень полно. Я, наверное, еще не придумал, как эту мысль по-настоящему выразить. Песни такой не написал. Но все-таки речь идет о главном качестве нашего теперешнего времени. Это качество называется «СВОБОДА».

Я все время думаю о том, как российское общество веками страдало от несвободы. Тоской по ней проникнуты лучшие народные песни. И не только песни, но и произведения великого русского, российского искусства. И теперь, когда мы до этой желанной свободы дожили, то сразу кинулись ее про-

клинать. Сейчас, по-моему, главное содержание всего, что говорится, думается о свободе - это проклятие в ее адрес. И, конечно, поиск «тех, кто эту свободу испоганил». А тут уже возникает много адресов.

Но я с этим категорически не согласен... Не потому, что я считаю наших правителей идеальными людьми. Да боже сохрани! Конечно, к ним претензии справедливы, и я могу их формулировать достаточно резко.

Но вот это ощущение кардинально нового качества времени... Вот что важно! Причем это кардинально именно по отношению к вековой российской истории. Когда мы дожили до этого долгожданного российского перелома, важнейшего перелома, - я его чувствую, но во многих не нахожу того же отклика, аналогичного чувствования...

А то, что наша свобода такая, за это все мы в ответе. И перед нами теперь стоит задача не столько эту свободу проклинать, сколько причислять и умирать. И обуздывать этого великого коня. Так, чтобы он нес плавнее, без взбрыкиваний.

- Может быть, свободу проклинают те, кто истинно не «накопил» и кому, по большому счету, нечего отдать! Или те, кто не решил еще для себя, что нужно что-то отдавать! Или не определился с тем, как эту свободу использовать!

- Весь ужас в том, что проклинают ее люди, которые прожили гораздо более сложную жизнь, чем я. И у них - гораздо больше оснований мечтать и тосковать о свободе. Здесь не обязательно представляется человек мелкий...

- Тогда, с вашей точки зрения, откуда идет это проклятие!

- Тут сразу так не скажешь. Я сейчас не готов дать ответ - откуда... Может быть, от непривычки. От неготовности встретить ее. От желания хорошего немедленно и сразу. И разглядеть это драгоценнейшее качество свободы в том беспределе, который творится, очень трудно.

А с другой стороны, я не перестаю изумляться великому долготерпению нашего народа. Я вот давно носился с мыслью открыть в газете рубрику «ОПЧ» - «объясните простому человеку». Ну, например, откуда происходят несвоевременные платежи пенсий. Я обдумывал этот факт и никак не нахожу объяснения... Долготерпение. Вот что это - достоинство народа или его проклятие, его крупнейший недостаток!

Меня волнуют и прочие вещи, связанные с нашим теперешним временем. Оно очень значительное. Каждый год с экранов телевизоров говорится: «Если то-то и то-то произойдет, то Россия рухнет в пропасть». Ощущение жизни на грани катастрофы - я думаю, что это - глубочайшая ошибка. Россия не обречена. Ее гибель просто не укладывается в сознании. А разговоры о «гибели», скорее всего, признак растерянности перед этой неслыханной свободой, которая гуляет по нашим просторам. Осознанием того, что происходит, исследованием - вот чему, по-моему, нужно заниматься сейчас. И, как мне кажется, это и задача искусства тоже.

- Не возникает ли у вас порой ощущения, что все то, что с нами происходит, уже некогда происходило! Кстати, как вы относитесь к реинкарнации!

- Для того чтобы поверить в реинкарнацию и припомнить свои прошлые жизни, надо очень хорошо сосредоточиться. Сколько я ни сосредотачивался, у меня ничего не получалось.

Чем определяется смысл жизни! Можно говорить многое, но если выделять основное, то неизбежно придется к заповедям, которые изложены в Нагорной Проповеди. Но ведь и до Нагорной Проповеди люди разбрасывались с тем, что такое добро и зло. С тем, что значит жить достойно и недостойно. Жизнь нас постоянно на это испытывала. И чувство сознания полноты жизни очень часто зависело от того, достойно или недостойно ты поступил в том или ином случае.

Во-вторых - речь, конечно же, идет о реализации собственных возможностей. Всякий человек рождается талантливым в той или иной области. И вот найти свой путь и реализовать его - это тоже есть жизненная задача и очень непростая.

Ну и, наконец, в-третьих, полнота жизни не может быть без любви. Без того, что связано с любовью, с отношениями между мужчиной и женщиной - это тоже очень важная область нашей жизни. Отношение к семье... Ответственность. Здесь тоже человек должен как-то самоопределиваться.

Все проблемы долга, свободы, чести, компромисса - то, как человек в течение жизни их решает, наполняет его либо гордостью, либо стыдом. Ясно, что мы стремимся все-таки к первому. Вот так, приблизительно, и определяется сознание человека и его жизненное самоощущение.

Фото Александра ВОЛОДИНА.

